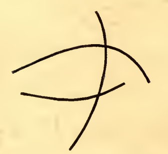
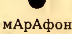
АРКАДИЙ ЗАСТЫРЕЦ

ВИХРИ ТЕПЛА

мАрАфон

АРКАДИЙ ЗАСТЫРЕЦ

ВИХРИ ТЕПЛА

СТИХОТВОРЕНИЯ

ББК Ш 6 (2Р 36) 6—335
З-36

Серия основана в 2005 году

Застырец А. В.
З-36 Вихри тепла: Стихотворения / Сост Ю. В. Казарин Екатеринбург: Изд—во «мАрАфон», 2006. — 52 с.

ISBN 5—87701—043—3
ISBN 5—87701—079—4

Составитель Ю. В. Казарин

ББК Ш 6 (2Р 36) 6—335

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К АЛЬМАНАХУ «ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН»,
ИЗДАВАЕМОЕ
ЕКАТЕРИНБУРГСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ
«СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аркадий Застырец — автор многих книг стихов, прозы и драматургии. Он известен на Урале и в России как человек, необыкновенно одарённый талантом словесника, художника и мыслителя. Он человек красоты: внешняя его аристократическая, природная сдержанность, порою переходящая в изящество, прекрасно сочетается с глубоким умом и широкой языковой способностью создавать тексты, удивляющие читателя гармонией прекрасного (мысль — образ — музыка), парадоксальностью мышления (ирония — русская печаль — катарсис) и душевной энергией, работающей в сфере эстетики и нравственности одновременно.

А. Застырец как текстотворец совмещает в себе различные функции говорения, пения и писания: литератор, прозаик, журналист-беллетрист — он прежде всего, главным, на мой взгляд, образом, поэт.

Поэзия А. Застырца — явление, слава Богу, динамичное: просодическая легкость, почти невесомость двадцатипятилетней давности сегодня в его стихах наполняется чистым дыханием трагедии («Собаки на земле. Их выцветшая масса...»), когда стихотворение становится выражением речевого поступка, знаменующего духовный рост:

Возможно, где-то здесь рождается медведка,
Толкая влажный прах, загородивший свет,
И чудом, в почву вот-вот воткнутая ветка
Вытягивает мёд и млеко в разноцвет.
И что ещё вокруг роится и творится,
Замучаешься звать, взлетая на метле,
В тепле, пыли, грязи — чиста, как голубица,
Разнявшая крыла на свистнувшей стреле.

Изящная словесность переходит в «словесный заслон», который не столько защищает, сколько раздвигает хлам, сволочь и дрязг, набившийся в сушу, воздух и твердь так называемой современности. А. Застырец — не часть пространства и времени, он как поэт — друг времени, потому что время принимает форму любого предмета (в том числе воображаемого), но все же любезнее ему (времени) — стихи:

Бабочка! Бабочка!.. Нет,
Автобусный вьется билетик.
Как долго стоят холода.

Жизнь здесь волею поэта продлевается на длину взгляда; мышление — на количество энергии шутки, ошибки («обознатушки»), переходящей в утверждение, имеющее уже онтологический (бытийный) масштаб. Объем вселенского ума и боли — крохотен, поэтому три строки миниатюры сжимают его до треска волос, до распада атома, до ценной реакции восприятия, смысла и переживания, в которой участвуют эмоция — мысль — вещь — чувство — идея — душа:

Ты снижаешься... нет,
Ты сплетаешь словесный заслон, —

это о нас, живых и тёплых. Живущих и теплеющих преимущественно в языке, т.е. умозрительно, переживательно и духовно. Поэт постоянно напоминает нам о том, что человек — это неотъемлемая часть одновременно времени и вечности, т.е. жизни, движения и пустоты. Поэтому метафора «снегири // клюют со снега время по мгновенью» завершается мощно и закономерно второй нисходяще-восходящей метафорой «и кровь играет вволю над землей».

Основные качества и признаки стихотворений Аркадия Застырца — подлинность и достоверность — всегда обещают если не чудо, то надежду на него:

Условий транспортной задачи
Тебе никто не повторит.
Наверно, женщина — заплачет.
Возможно, Бог — заговорит.

А. Застырец — поэт щедрый и честный, а это дорогого стоит. Поэзия вообще занятие не изнурительное, а смертельное, как сама жизнь. И, как сама жизнь, она не обещает никому бессмертия, утверждая, что любовь куда дороже всего, что переходит в холод и пустоту. Поэзия Аркадия Застырца, в ее новом, свежем появлении и проявлении, — любовь. И это — главное.

Ю. Казарин

* * *

Моей доченьке

Утро хмуро, и пуст местный аэропорт,
ночью ливнем подрезало крылья пилотам.
Входят с воздуха бледные люди — ну что там?
Через час мы взойдём на обшарпанный борт.
Скоро, скоро — не плачь — полетим с облаками...
Поднимаю, сажаю на шею тебя
и хожу по асфальту большими шагами,
белый холод украдкой зубами дробя.
Скоро-скоро мучениям нашим конец,
лишь достигнем далёкой и радостной цели
и, тревогу избыв, нас обнимет Отец
не во сне, а на самом решительном деле.
Где ж мы были? О чём горевали вчера?
Всё неважным, прошедшим окажется сразу,
чепухою, подвластной смешному рассказу
и почти невесомым нажимам пера.

* * *

Прянут вдаль от пирса паруса,
Вздутые разлучницей-зарёю,
Между нами ляжет, будто меч
Обоюдоострый, расстоянье.
Рукавов тебе я не помну,
Уводящей сдерживая локти,
Не войду пылающим лицом
В снег и ветер твоего подола.
Не достать ладоням нежных плеч,
Ни груди нечаянно — мизинцу,
Не коснуться ни щеки щекой,
Ни затылка жаркими губами.
Голос мой к тебе не долетит —
Тишины и тьмы не одолеет,
Над зелёным морем выдох мой
Брызгами собьют крутые волны.
Лишь твоих немеркнущих очей
Чёрные достигнут эти строки...
Для чего, Медея, для чего?
Чтобы что ли слёзы стали горше?

* * *

Рине Левинзон

Покуда воздуха мне в грудь
набрать хватает сил,
так буду петь, что не заткнуть,
не перерезав жил.

Но и молчать глаза в глаза —
равно что говорить
и прихотливый, как лоза,
над миром стих растить.

И ты молчанью моему,
как в зла триумф, не верь,
хотя и вышагну во тьму,
не затворяя дверь.

Ведь не от окрика «Молчать!»
с тобой мы замолчим,
а совершенство — вот печать —
к чему ещё нажим?

А сотворенье — вот итог
орла и корабля:
один невидимый толчок —
и сгинула земля...

* * *

Мне дорога России милой
от холодов сухая грязь,
где над потерянной могилой
сосна до неба разнеслась
и смерть сбивается со счёта
в полвека, словно в полчаса,
и не настолько жить охота,
насколько ведать чудеса.
И то не то на ум приходит:
насчёт, насколько, дорога...
то без причины дрожь наводит
ничто, полуночная зга.

* * *

Я могу разглядеть
и услышать те вихри тепла,
что летят на тебя
над сырой благодатной землёю,
шелест листьев и звон
разведённого в окнах стекла,
и садовый прирост,
обеспеченный доброй золою.
Драгоценный мой друг,
ты заботишься там обо мне,
мокрый заступ вонзая
под белый запутанный корень
и рисуя круги
на сухой известковой стене,
чтоб отвадить вдали
невесомо летящее горе.
Не страшась, ты ступаешь
на тот же, на общий наш склон
по измятой странице
из рисовой грозной бумаги.
Ты снижаешься... нет,
ты сплетаешь словесный заслон,
на ветру расправляя
молитвы крахмальные стяги.
Я могу разглядеть
даже смирное пламя в губах,
каждый звук, если звук,
приближаясь к бесчисленным силам,
рассекает крест-накрест
зимы отступающий прах,
то́чно ливень, что хлещет
по крышам домов и могилам.

* * *

Тоньше воздуха — путь,
по которому надо пройти...
Но и этого мало:
змеиная кожа сравнений
шелушится — и ложь
заметает с пяти до шести —
я не знаю, утра или вечера —
тайну растений.
Тоньше мысли, летящей
на рваную рану огня —
не костров пионерских,
а тех золотых пулемётов,
что стоят наверху,
с беспорядочным лаем храня
переходы по льду
на свободу от вечных расчётов.
Тоньше око минующих
пущенных страхом лучей,
чьим верчением начат
суконный глагол «просекаю»,
что бы там ни блистало
в физической сумме вещей,
накипевшей и сбитой
бульдозером к ровному краю!
Что бы там ни легло
в часовом пограничном песке,
тоньше воздуха — путь.
И ещё бы тут не было ясно,
что придется лететь,
не позавтракав, так, налегке —
в полной мере постигнув
механику слова «напрасно».

АНАТОМИЯ

Теплее от руки
прижатая страница...
Гляжу на позвонки,
глубокие, как лица,
а сдвинув ткань и снасть —
на внутренние мощи,
и атомная часть
чья целого не проще.
Любуюсь на кишки,
прямые и кривые —
как звёзды, далеки
их трассы кольцевые!
На лезвие моргнув,
глядь — вот оно застыло,
горячей крови — уф! —
живое мотовило...
И как, не знаю, внять,
уверовав не ложно,
сей мрази, слитой в стать
столь страшно и тревожно?

* * *

Да разве ты не знала, а, Далила? —
Что стоит дать на йоту слабины,
И сразу утвердится в праве сила,
Ремни горазда резать из спины?
Да разве твой народ сложён иначе?
Такой же окрик зреет в тишине
Его садов, такую же он прячет
Бесправедность на дне или в огне.
Повсюду тварь в составе гордых кланов
Готова задавить и разодрать,
И может, может собственных тиранов
Любой язык, не мучаясь рождать!
И ты свое предательское сердце
Не вытянешь из подлой кровной зги.
Вот ножницы. Вот кудри иноверца.
Ты кончила? Давай теперь, стриги!

* * *

Собаки на земле. Их выцветшая масса —
Дыханье, блохи, шерсть, пустые потроха —
Как мёртвая, лежит. Наверно, теплотрасса
Невидимо идёт под ними, и труха
Сухого торфа вьёт игрушечные смерчи
В проталинах, уже по-летнему сухих,
И кажется, что в них чумазый эльф заверчен
На собственных двоих, на крылышках косых.
Возможно, где-то здесь рождается медведка,
Толкая влажный прах, загородивший свет,
И чудом, в почву вот-вот воткнутая ветка
Вытягивает мёд и млеко в разноцвет.
И что ещё вокруг роится и творится,
Замучаешься звать, взлетая на метле,
В тепле, пыли, грязи — чиста, как голубица,
Разнявшая крыла на свистнувшей стреле.

* * *

Стрижи снесли крылами гром
В свои невидимые щели,
И в предстояньи грозовом
Фасады резко посветлели.
И ты, лицом к лицу дождя,
Легла на сеть моей прилуки,
За сердцем ревностно следя
В его шатающемся стуке.
И всюду небо влажный клин
К земле метнуло, глядя в оба,
И шевельнулся, тронув нёбо,
Сирени сладкий нафталин.

* * *

Сильней от холода охота,
Когда ломая носом лёд,
В холодном небе Камелота
Летит усталый самолёт.
И мрак разваливая мерзкий,
Пурпурный вспыхивает глаз,
А за штурвалом спит имперский
Доднесь непревзойдённый ас.
И сон его наполнен воем
Подбитых вражеских машин
В огне с цигейковым подбоем,
В воде с мельканьем рыбьих спин,
Худые щёки гладко бриты,
Кресты сияют на груди,
И, в кожу мёртвую залиты,
Чернеют руки впереди.
Но не пике ему подводит,
Не штопор — полную черту,
Земля пути не загородит
На звёзд отъявленном свету,
Не жди, сжимая эти строфы
В одетых золотом резцах,
Обыкновенной катастрофы,
Переходящей в мокрый прах!
Условий транспортной задачи
Тебе никто не повторит.
Наверно, женщина — заплачет.
Возможно, Бог — заговорит.

PIN UP

Ты — в белом платье, в контровом
Лукавом свете,
Мечтая вспять не ни о чём,
А о балете.
Твоя талантливая плоть —
Не ноги-руки:
Ещё способна отколоть
Такие штуки!..
Под каждым па — морозный наст
И птичьи кости...
Пусть балетмейстер-педераст
Умрёт от злости,
Когда все замыслы его
На половине
Столь не мужское естество
В звезду задвинет,
По звёздам выплясав свой путь,
По брызгам крови...
Так у кого тут козья грудь
И зад коровий?

1942

Ни облачка. А всё же облака
Полуночным дождём грозя герою,
К полудню возрастут наверняка
Над горизонтом призрачной горою,
И воин из ангара поведёт,
Нацелив рылом в аэрообитель,
Серебряный, как перстень, самолёт,
Фашистов беспощадный истребитель,
И женщина, презрев устав и страх,
Рванётся по стерильному бетону
Вослед моторов яростному стону,
С тюльпанами в растерянных руках,
Вонзая шпильки в стартовый отсчёт,
В защитных стёклах надвое застынет,
И ветер от пропеллера к ней хлынет
И на прощанье юбку задерёт.

* * *

Наверное душа моя — внутри,
хотя и не подверженная тленью,
но связанная, там, где снегири
клюют со снега время по мгновенью
и кровь играет вволю над землёй,
и кажется замок на тайной дверце
загадкою мучительной и злой,
и где-то рядом — дышащее сердце.
Во времени ответчик и истец,
в присутственном душа томится месте,
и где-то под — потёмки и багрец,
и где-то над — горит нательный крестик...

* * *

Взметая над зеленью моря золу,
Над миром раскинулась синяя сила...
Мне снилась моя Оппозиция Злу,
И Зло побеждало, но не победило.

Голодные волки ступали за мной
По мху потаенных до свету решений,
И шерсть их воняла холодной весной
В течении трех предпоследних мгновений.

И путь уходил в постепенный песок,
Сводивший на нет колеи и ухабы.
От верной погибели на волосок
Спешили на помощь учёные крабы.

И мчался мне в голову огненный шар,
Подёрнутый белым калением с краю,
Но тёмной волной заливая пожар,
Я молвил с улыбкою: — Всё отменяю...

И вот, по сухому полярному льду,
Сдавая, мерзейшая мощь заскользила...
Мне снилась моя Оппозиция Злу,
И Зло побеждало, но не победило.

* * *

Не надо все покровы поднимать
Над тайными сцеплениями света.
Недаром не назначено нам знать
Об уведённом в тень живого лета,
О спрятанном под тёплую ладонь
Известии мучительно прекрасном,
Как, может быть, летающий огонь,
Созревший за ночь на поле ненастном,
Огонь, что перечёркивает вред,
Доступный осознанию земному,
И шепчет Богородица святому:
— Без искры блага — зла на свете нет...

* * *

На смерть Романа Тягунова

Тяжела ль на свету предстоящая тьма,
Если — веришь, не веришь? — случится примета:
Не схожденье с ума — восхожденье ума
Из глубокой зимы в поднебесное лето...
И не только зима — перекрёсток веков
У подножия общего нашего ляжет.
Языка не развяжет страна дураков —
Перекрестит вот разве и миром помажет.
Разойдутся пути, если снизу глядеть
И глотать над могилой постылую водку...
Сверху вниз потечёт колокольная медь,
Возвращая надежду всему околотку,
Сверху слово за словом обвалится вниз,
Отменив бессловесные скорби и страхи, —
Лишь по воздуху грохнет морозный карниз,
На который ты стал напоследок во прахе.

* * *

Памяти моего отца

На острие мучительного вдоха
заверченный волчком последний блеск
упругого, как путлище, подвоха,
мне кажется, тебе казался нескончаемым.
Затем и навалилась
пургой и тьмой ужасная межа...
Она уже царила, а не длилась,
она уже стирала все, что сжали
точных три мгновения, как пальцы,
и пальцы, впрочем, тоже — навсегда,
в прохладный оборачиваясь кальций,
на смрадной грани смертного труда
застыли... И наверно отлетела
материи бетонная стена,
как шелковый сиреневый флажок,
подхваченный весёлым бризом с мачты,
вонзённой кораблем в бескрайний свет...

* * *

В распахнутом окне уже не слышно
дыхания листвы.
Последний тёплый день.

* * *

Близок день, морозный и нервозный,
Где позёмки белый суховей
И на миг в промоине бесслёзной
Делят воздух трещины ветвей,
И с утра светившая Венера,
Мокрая, как камешек в горсти,
Тает, точно спичечная сера,
В пламени с полудня до шести,
И пространство времени пеняет
За разброс продуманных высот,
Но любовь судьбы не отменяет
И надежда форы не даёт.

* * *

Читать стихи и восхищаться —
Как воспалением болеть.
Чтоб с невозможностью сквитаться, —
Надышит зеленью на медь
Живое? Да, но нежилое:
Желудок дивного кита —
Хоть Сафо влажное алоэ,
Хоть тень Катуллова листа...

Со лбом дыхания сближенье,
Вкус лихорадки возле губ —
И всё! Будь строчек напряженье
Прочней, чем лиственничный сруб,
Явись название кошмару
Со дна несмысленной глуши —
Недолго в звуке жить пожару
Кристаллом скованной души.

* * *

На острие солнцеворота
Водою в радугу пыля,
Протяжно для или не для
Чего-то происходит что-то?

А то, иначе говоря,
Загадка — по пути ли, в доме ль —
День прожит зря или не зря,
А зря — так в корень или в комель?

И если выкинуть в окно
Одежду, утварь, книги, мебель,
То не покажется ли дно
Под слоем стелющихся — стебель?

А дно — его одно иль два
Таится в многодневном мире,
Что начинается с едва,
Чтобы шагнуть на Е4?

Так, расставляя переносы
В разъятой светом полосе,
Не торопись найти на все
Ответы ясные вопросы.

* * *

В день рождения тёмные люди
Сквозь высокие заросли шли
И на розовом бронзовом блюде
Несказанные вещи несли.

Окончательно лето вступало
В золотые простые права:
В изголовье листва начинала,
А в ногах завершала трава.

Не моей, никакой и незваной,
Но сама по себе хороша,
Из тугой темноты бездыханной
Во плоти поднималась душа.

В день рождения мама объятья
Разняла и, оставив отца,
Нарядилась в весёлое платье —
Из огня и воды, из ларца

И по тёплому белому саду
(Одеяло в пустом гамаке...)
Побрела за глухую ограду
С животом на усталой руке.

АЗИЯ

Край повис: отстёгнутая кнопка,
С горных круч завёрнутый подол,
Опиума полная коробка,
Белый в дождь качающийся вол.
И пока, вникая полоумно,
Он вздымает шалые рога,
Корабли, как призраки, бесшумно
Из тумана сходят в берега.
Парусами в воздухе полощет
Роковые алые кресты,
И косыми выстрелами площадь
Аркебузы чистят с высоты.
А потом наладив кровотоком
Хищных джунглей пьяное зерно,
Пять веков на штопоре жестоком
Жестяное крутится кино,
И его безумие Европа
Уж отмыть вовеки не вольна —
Ни библейским веником иссопа,
Ни волною зимнего вина.

* * *

Весна в краю моём черна.
Когда отступит мгла немая,
Апрель проводит времена
По тонкой веточке до мая.

Сугроб осядет в тень и грязь
И едким выветрится паром.
Глядишь — и зелень занялась
Благоухающим пожаром.

Но лето коротко на вдох
И опрометчиво, как порох, —
Тепла невидимый сполох
В балконных тает разговорах,

И осень — золото и дым
В моём краю победных зим.

* * *

Точно в мутную воду лицом...
В ноздри — дым неизбытого страха:
Не хочу, не хочу подлецом!
На спине — облаками рубаха.
Настигаю суровую нить
И опять обрываю зубами.
Как бы все это мне залудить,
Хоть бы на ночь замазать словами!
Как, ей-богу, ребёнок в лесу,
И расклёваны птицами метки —
Тишь и тьма, лишь еловые ветки
Держат дождь проливной на весу.

* * *

У меня сверчок под боком
И луна горит во лбу,
Облака худым потоком
Мчат по небу, как в трубу.
Вьются жилки на запястье,
Запах семени — в паху...
Боже мой, какое счастье
Растирать часы в труху!
И конечно за границей,
Там, где воздуху взамен
Душу вздует мне сторицей
Песнопений вечный плен,
Ты останешься за мною,
Кинув тело вдалеке
С чёрной бабочкой ночною
На бесчувственной щеке.

* * *

А за полночь, конечно, дождь пошёл,
Упорно, точно в путь благословенный.
Как странник, а не то — как белый вол,
Иль колос в рост, овсяный и ячменный.

И так моя любовь к тебе идёт
И в сердце кровь шумит тепло и сыро.
Всегда в запасе влажный поворот
У темноты нетающего мира.

* * *

Точно в проволочной сетке —
Видно всё, да не достать.
За какой мне выстрел меткий
Вышла жизни благодать?
Или вместо наказанья
Ночью утро мне дано?
Что ж ты, морда обезьянья,
Мол, с народом заодно?
Смел же допьяна напиться
В заповеданном саду
И похабно соблазниться
На прохладную звезду!
А вдобавок в тайном свитке —
Тьфу на молнию и гром —
Все решённые убытки
Ржавым вычеркнул пером...
Или всё же правды ради
Эта отроду игра —
Чтобы вырастить во взгляде
Точку света и добра?

* * *

Ивану Жданову

Я знаю всё — как связанный язык,
И мог бы проболтаться, скажем, спьяну,
Но не скажу — никто ведь за язык
Меня не тянет, сам себя не стану
Тем более, тем боли избежав...

А впрочем, вот. Из чёрных чемоданов
Небытия (родство — не баловство!)
Однажды в Барнауле вышел Жданов,
И сделалося всё вокруг него
Нежданововым. Спустя десятилетье,
В Нежданове на свет случился я.
Местоименье — то же междометье,
Глагол в сердцах — и вовсе колея!
Минуло сорок лет... Чего вы ждёте?

А впрочем, вот. Над Швецией паря,
Не Жданова ли спящим в самолёте
Пересекла история моя?
Не Жданову ль мы с Курицыным водки
Плеснули в одноразовый стакан?
И стих пробил, как молния, короткий:
«По-моему, под нами океан...»

По-моему, под нами океан.

* * *

Стоит распасться домам
В мокрую снежную крошку,
В сумерки хлипкие нам
Кажется: всё — понарошку.

Слово начнётся на «че» —
Ну, например, — и готово:
Оспа на мокром плече,
Облачко пыли медовой.

Светит подзорная даль
В точном кристаллике глаза,
Но заслоняет деталь
Всю перспективу, зараза!

Тысячекратно милей
Родины там или славы
Родинка в тайне твоей,
На половиночке правой.

* * *

Сообщений сегодня не будет,
а только мороз,
чья брусничная ярость
сильнее воздушных потоков,
чьё строение из —
разнесённых по яблоку блоков
и на девять параграфов
делится трудный вопрос...

И прекрасно. Пускай
обломает на льду каблуки
нынче утром до горла
уже достающая слякоть,
что готова, упав,
подниматься по новой и плакать
по пути с берегов
полноводной и мутной реки.

Сообщений сегодня не будет,
а только повтор,
повторение на ночь
знакомых до чёртиков сказок,
ради этой и той
всевозможно счастливых развязок,
от души — чистой правде
весёлый и злой приговор.

Я и новой зиме
корабельное дно засмолю.
Все подробности — тут,
после лета, пропитого вкратце.
Да и нечего нам
в холодильнике горном бояться:
Разве жарче ещё
от простуды тебя полюблю.

* * *

Время — под гору и в гору:
Бред, а страшно — наяву.
Глядь — и, вышибив опору,
Подожгла звезда траву.
Или — в край, кошмара хуже,
Не окно, не потолок —
Небо сделается уже,
Чем калики узелок.
Изойдёт подбитый кречет
Кровью тёмно-голубой.
В перекрестье чёт и нечет
Стянут свет над головой,
И по чёрной ординате,
В затухающей пыли —
Нагрешили? Ну, так нате —
Треснет тулово Земли...
Счастлив ты или несчастен,
Частью или целиком, —
Ни над чем ты здесь не властен,
Управляемый тайком.

* * *

Почему есть везде никогда?
Существует же слово, и всё —
Забирается мраком звезда,
Но во славу Твою и моё.
Почему на окраинах карт
Над водою кружит вороньё?
Единица — любой миллиард,
Но во славу Твою и моё.
Для чего так тропа коротка
И не прочны стопа и плечо,
Точно вечность, и та — на пока?
Но во славу Твою и моё.
Чуть скользнёшь по зелёному льду —
И потерян спасительный свет...
Нет, прости, я ответа не жду,
Потому что я знаю ответ.
И всего эта ясность больней —
Что во славу Твою и моё...
Только шёпотом: «Господи, ей,
Ничего мне не надо ещё».

* * *

Бабочка! Бабочка!.. Нет,
Автобусный вьётся билетик.
Как долго стоят холода.

* * *

Продолжим, моя дорогая.
Не вечность же всё-таки век:
Отскочит задвижка тугая —
И всем ещё выйдет побег.
И даже холопам безверья
Изношенной мысли взамен
Пожалуют чистые перья —
Вот так, от рамен до колен.
Ровняя поляну и гору,
На все возраженья в ответ
Обхватит собой без разбору
Теплеющий утренний свет
Любовно — подумаешь, дело! —
И душу, и уж заодно
Больное по памяти тело,
И куполом скажется дно.
Опустишь — а пение взмоет,
Святая моя простота!
Заплачешь — а Бог успокоит...
Поднимешь — а чаша пуста...

* * *

Дальше — дольше, близ — короче,
Псы сердито говорят.
Первой теплой майской ночи
Сладок банный аромат.

Спит вокруг опасный город,
Я не сплю — дышу и рад,
Счастлив, что не тесен ворот, —
Слава Богу, не солдат.

Есть огонь, а в кружке — влажно,
Живы тёплые слова.
Остальное всё неважно,
Всё зелёная трава.

И обноски, и обновки
Разлетятся по пути,
Петли, пуговки, подковки...
Не запомнить, не найти.

Влюблены и плачем — мало, —
Второпях и позабыв,
Что как раз любви начало —
Там, где в сумерках обрыв.

* * *

Что там, что там в тонком теле
Ты за гранью подглядел?
Мы с тобой на самом деле
Здесь у Бога не у дел?
В соответствии с расчётом —
Трассы звёздные точны —
Света белым поворотом
Оба в сумрак сведены?
А потом, как только... То есть,
Где ни только, ни потом, —
Что там — новая ли повесть?
Или ясен Божий гром?
Правда, ангелов мы выше?
Точно, сами всё решим?
Захотим — опять задышим
И под гору побежим?
Ни сомнения, ни боли,
Рядом — разве невзначай,
Разлетимся в горней воле?..
....
Нет, молчи, не отвечай.

* * *

Да взять и припомнить такое,
Чего не бывало вовек...
Тропа убегает в левкои,
Во свет, не смыкающий век,

И сквозь громыхание стройки
Невидимо чертят маршрут
Какие-то белки и сойки,
Они приведут, не соврут.

Тут порохом пахнет погода,
Но храм — несмотря ни на что,
Успеем на борт парохода
В холодных от ночи пальто,

Вот только у входа склонимся
И службу в свечах отстоим...
Наверно, друг другу мы снимся,
И всё это снится двоим —

Прощание с чахлой землёю,
Дождинка висит на носу...
Не бойся, я еду с тобою.
Ложись, на руках донесу.

* * *

Морозец ударил не крайний —
По верху, по веткам пока,
И всем улыбаются втайне
На Рая краю облака,
Поскольку достаточно — просто
На воздух теперь нагишом,
И сладкая жизни короста
В божественный ляжет излом.
Наверное, хватит и часа
В простудной пыли постоять,
Чтоб рядом наметилась трасса,
Минуя евклидову стать,
И тайна спокойно открылась
Теперь же, без чисел и слов,
И ясная тихая милость
Взяла ежедневный улов.

* * *

Когда мне прозрачно и ясно,
И в страсти признаешься ты, —
Вся линия жизни прекрасна,
Как хорда спинной наготы.

До волоса всё, до пылинки
Я загодя принял в себя —
Не в качестве милой картинки,
Что ангелы чертят, любя.

Не поздняя эта охота
Мне душу с утра веселит,
Не с крестика в глаз позолота,
Не вымысла прелесть слепит.

В угоду загадочной мере
Согласен безропотно взять
И чёрную рану потери,
И ужаса каждую пядь,

И собственной мерзости крицу —
На Страшном суде не истец, —
И боли сырую границу,
И смерти счастливый конец.

* * *

Операторы всяческой связи наверно мертвы,
Самолёты упали, исполнив приказ Владислава,
Поезда не идут — между шпалами листья травы,
На подходе зато раскалённая снежная лава.

Наступает зима — вот и всё, невозможно скрывать...
Уж и стражу знобит по ночам у ворот Эльсинора,
И спасением кажется с чёрной овчиной кровать,
И решением — сна безвоздушная, впрочем, опора.

Ну и что? Ничего. Если целая жизнь коротка,
Разве длинным могло быть на днях облетевшее лето?
Чем стремительней счастье, тем более вера крепка.
Угасание дня — обнаженье источника света.

* * *

Нерусского слова «сиеста»
Сияет разбойничий нож.
Сухое прохладное место —
Ты всё ещё, значит, живёшь...

Пускай от безделья с размаху
По рельсам ударит мороз
И дымом пролётную птаху
На небо взметнёт паровоз,

На стыках ночная работа
В бессонницу сердце забьёт —
Всё лучше песка и болота,
Верней, чем лесной переход.

Пускай даже душу зажали
Ладонями с пульсом виски —
Всё значит, не всё мы сказали
И живы себе вопреки.

Уж поезд подходит к вокзалу,
Залепленный инеем сплошь.
Давай же, брат, мало-помалу...
Какого ты чуда-то ждёшь?

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРИЯ «МАРАФОН»

Татьяна Кулешова. Всё перепуталось под небом (2005)
Владимир Щипанов. Образом телесной теплоты (2005)
Ольга Ядрышникова. Душа омоется слезой (2006)
Ирина Каренина. Лёгкий ветер, горький дым (2006)
Стародубцева Наталья. Из общего вагона (2006)
Любовь Стасюк. Ангел у виска (2006)
Алексей Клепиков. Маятник города (2006)
Александра Наумова. А жизнь продолжается (2006)
Елена Черная. Alter Ego (2006)
Юрий Дружинин. Высокий сон (2006)
Ольга Заболотская. Мне снится музыка ночами (2006)
Анна Лещева. Источник света (2006)
Геннадий Вебер. Кристалл чистоты (2006)
Анна Мещерикова. Кредо (2006)
Владимир Блинов. Стихотворения (2006)
Слава Рабинович. Еще юдоль моя светла (2006)
Сергей Кабаков. Оклик (2006)
Аркадий Застырец. Вихри тепла (2006)

Литературно-художественное издание
Аркадий Валерьевич Застырец
ВИХРИ ТЕПЛА
Стихотворения

Редактор Ю. В. Казарин
Дизайнер А. А. Тимофеев
Подготовка оригинал-макета С. А. Надь
Ответственная за выпуск С. А. Надь

Подписано в печать 04.10.06. Формат 75 x 90 1\32.
Бумага офсетная. Гарнитура Baltica.
Печать офсетная. Усл.1,3 печ. л.Тираж 300 экз.

Издательство «мАрАфон»
620075, Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.

Отпечатано ГУП СО «Сухоложская типография»
624800, Свердловская область,
г. Сухой Лог, ул. Милицейская, 6.